

РЕЦЕНЗИИ

С.Л. Бурмистров

Античная культура и буддизм на дальнем Востоке эллинистического мира*

Сергей Леонидович Бурмистров – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт восточных рукописей РАН. Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, литера А;

e-mail: SLBurmistrov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5455-9788

Книга профессора университета Вроцлава Ольги Кубицы посвящена важной теме – взаимодействию между античной греческой и индийской цивилизациями на крайнем Востоке эллинистического мира в эпоху от завоеваний Александра Македонского до возникновения Кушанской империи. Общеизвестно влияние античных художественных традиций на изобразительное искусство северо-западной Индии (так наз. «гандхарская школа»), и на этом основании высказывалось предположение, что влияние Греции распространялось и на философские и религиозные взгляды индийцев. Его усматривали, в частности, в тематике и структуре раннебуддийского трактата «Вопросы Милинды» (пали *Milindapañha*). Однако автор монографии доказывает, что реальное взаимодействие античной и индийской культур в интеллектуальной сфере было довольно ограниченным, так что распространенный в науке термин «греко-буддизм» не имеет смысла. Этот вывод основан на глубоком анализе обширного материала, включающего не только тексты, но также археологические памятники, данные нумизматики и другие источники. При анализе материала автор использует наряду с обычными филологическими методами работы с источниками также методы социологии и культурологии, рассматривая греков в Бактрии и северо-западной Индии как социальную группу, подчиняющуюся всем законам поведения групп при взаимодействии с обществом как системой.

Ключевые слова: ранний буддизм, махаяна, Бактрия, Гандхара, «Вопросы Милинды», эллинизм, интеркультурный диалог

* Рецензия на книгу: *Kubica O. Greco-Buddhist Relations in the Hellenistic Far East: Sources and Contexts. London, New York: Routledge, 2023. 232 p.*

Ссылка для цитирования: Бурмистров С.Л. Античная культура и буддизм на дальнем Востоке эллинистического мира // *Философия религии: аналитические исследования / Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2024. Т. 8. № 1. С. 163–171.

Ancient Greek Culture and Buddhism in the Far East of the Hellenistic World

Sergey L. Burmistrov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18A, St. Petersburg, Russian Federation;

e-mail: SLBurmistrov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5455-9788

The topic of the book by Olga Kubica, a professor at the University of Wrocław, is the interaction between ancient Greek and Indian civilizations in the far East of the Hellenistic world in the epoch from the conquests of Alexander the Great to the emergence of the Kushan Empire. The influence of ancient artistic traditions on the fine arts of northwestern India (the so-called “Gandhāra school”) is well known, and it has been suggested on this basis that the influence of Greece extended to the philosophical and religious views of Indians. It was seen, in particular, in the themes and structure of the early Buddhist treatise “Milinda’s Questions” (Pali Milindapañha). However, the author of the monograph proves that the actual interaction of Greek and Indian cultures in the intellectual sphere was not so large and profound and therefore the term “Greco-Buddhism”, widespread in Oriental studies, has no sense. This conclusion is based on a deep analysis of extensive material, including not only texts, but also archaeological sites, numismatic data and other sources. Analyzing the material, the author uses, along with the usual philological methods of working with sources, also methods of sociology and cultural studies, considering the Greeks in Bactria and northwestern India as a social group that obeys all the laws of behavior of such objects interacting with society as a social system.

Keywords: Early Buddhism, Mahāyāna, Bactria, Gandhāra, “Milindapañha”, Hellenism, intercultural dialogue

Citation: Burmistrov S.L. “Ancient Greek Culture and Buddhism in the Far East of the Hellenistic World”, *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2024, Vol. 8, No. 1, pp. 163–171.

Новая книга Ольги Кубицы [Kubica 2023], доктора философии и профессора университета Вроцлава (Польша) посвящена теме сложной, но при этом очень перспективной, – взаимоотношениям античной и индийской культур в их «контактной области» – Бактрии и Гандхаре. О возможном взаимовлиянии греческой и буддийской мысли говорилось в науке уже не раз, и высказывались, в частности, предположения, что античный скептицизм Пиррона (360–275 гг. до н.э.) и его последователей был результатом усвоения ими индийской философской мысли [Асмус 1976: 405–406]. Действительно, античные скептики доказывали противоречивость всех философских суждений, отмечая, что

любое суждение может быть столь же истинным (или столь же ложным), что и противоположное ему, и в противоречивости всякого мышления и всякого познания видели свидетельство невозможности познать истину [Дынник 1972: 139]. На первый взгляд, эти мысли очень сходны с идеями буддийской религиозно-философской школы мадхьямака, в которой тоже все понятия рассматривались как пустые, т.е. не имеющие референта в реальности. Однако античный скептицизм возник в III в. до н.э., а мадхьямака оформилась как особая школа только в трудах Нагарджуны, т.е. не ранее II в. н.э. В то же время ни в трудах Нагарджуны, ни даже в сутрах запредельной мудрости (prañāpāramitā-sūtra), на которых и основывалось учение мадхьямаки, нет никаких свидетельств влияния античного скептицизма, так что и обратное влияние – от Греции к Индии – тоже приходится исключить. Впрочем, О. Кубица о том, что касается самого раннего периода взаимодействия между античным миром и культурами Востока, высказывается в высшей степени осторожно и в принципе не исключает возможного влияния буддийской философии на взгляды Пиррона [Kubica 2023: 2]. Во всяком случае, она ссылается на известное замечание Диогена Лаэртского, что Пиррон встречался с индийскими гимнософистами и с магами [Диоген Лаэртский 2020: 478]. Именно от них он мог усвоить те представления, которые легли потом в основу его философских взглядов: тезис о непознаваемости мира, отказ от любых категорических суждений о нем, бесстрашие как этический идеал и т.д. Впрочем, отождествление индийских гимнософистов с буддистами вызывает большие сомнения, ибо нагота для буддийского монаха считалась предосудительной, и приписывание именно «нагим мудрецам» таких взглядов вполне могло быть ошибкой самого Диогена Лаэртского [Kubica 2023: 34]. На наш взгляд, греческий доксограф, скорее всего, приписал буддийские воззрения представителям джайнской секты дигамбаров (digambara, букв. «одетые пространством» – т.е. обнаженные). О влиянии раннебуддийской философии на взгляды Пиррона, полагает О. Кубица, указывают не только его утверждения о сомнительности любого суждения и его этика, но и использовавшаяся им тетралемма, сходная с буддийской caṭṣkoṭī, которая сама восходит, видимо, к еще более ранним временам [Ibid.: 35].

В целом формирование античной философии вряд ли могло быть совершенно свободно от влияний с Востока и прежде всего – из Малой Азии. Вектор распространения философской мысли и «культурной колонизации» был направлен изначально не с Балканской Греции на восток, а наоборот – из Малой Азии и восточного Средиземноморья на запад [Матвейчев 2015: 62]. Масштабы этого влияния, конечно, не стоит преувеличивать. Действительно, учение Анаксимандра, например, при всем сходстве его ἀρεῖον с иранским «Безграничным Временем» (Zrvān Akarana), все же имеет несомненно греческое происхождение [Вольф 2007: 116, 125]. Некоторые положения учения Ксенофана наталкивают на мысль, что оно навеяно в какой-то мере иранской духовной культурой, но в целом оно все же остается самостоятельным явлением античной культуры, выросшим именно на греческой почве [Там же: 187]. Также и получение знания от богов или иного сверхъестественного источника (дарование сакральной мудрости Ахура-Маздой Заратуштре, «чудесный слух»

ведийских риши, коим они слышат вечно звучащую Речь Вед, или раскрытие истины богиней Дике Пармениду) вполне объясняется не заимствованием, а типологическими сходствами [Вольф 2007: 192–193].

Все сказанное справедливо и относительно взаимодействия эллинистической греческой культуры с культурами Востока. Автор рассматриваемой монографии касается преимущественно более позднего периода истории Бактрии и Гандхары – эпохи перед появлением кушан в северо-западной Индии. Более того, О. Кубица отмечает и четкие границы предмета, о котором идет речь: это религиозная и, шире, интеллектуальная культура Бактрии и Гандхары – в отличие от материальной культуры, включая и искусство этого региона. Широко известен термин «греко-буддийское искусство» (Greco-Buddhist art), и он имеет вполне определенный смысл: это изобразительное искусство, сформировавшееся в указанной области, в каковом искусстве использовались приемы, характерные для античной традиции, но применялись они для материального воплощения буддийских фигур и образов. Однако в религиозной жизни ничего подобного не наблюдалось, так что термин «греко-буддизм», тоже нередко встречающийся в науке, по мнению автора монографии, не имеет никакого смысла, ибо никакого религиозного синкретизма на дальнем востоке эллинистического мира не наблюдалось [Kubica 2023: 4]. Даже в более поздний период, при Кушанской династии, проводившей политику веротерпимости и включившей в официальный пантеон более трех десятков разных богов и иранского, и индийского, и греческого происхождения (вплоть до греко-египетского Сераписа), подлинный религиозный синкретизм так и не сложился [Ставиский 1977: 174–176].

До IV в. до н.э. контакты между Грецией и Индией были только опосредованными, хотя, разумеется, греки многое знали о своих восточных соседях. Определенными сведениями располагал уже Геродот, хотя основным источником знаний об Индии для греков был, по мнению автора монографии, не дошедший до нас труд Скилака (VI в. до н.э.) – греческого мореплавателя, который по поручению персидского царя Дария I совершил путешествие по Инду и берегам Персидского залива и составил их описание. Именно благодаря ему и его труду (с которым несомненно были знакомы греки при Александре Македонском) сложился в греческой культуре миф об Индии как о стране чудес, полной сказочных богатств и ждущей только достаточно сильного завоевателя, чтобы подарить их ему [Kubica 2023: 30]. Но только после завоеваний Александра греки вступили в непосредственный контакт с индийской культурой. Эхо этого события более всего слышно в скептицизме Пиррона, участвовавшего в походах греков на Индию.

И здесь О. Кубица отмечает – хотя и вскользь – одну принципиальную трудность, о которой должен помнить каждый индолог: строго говоря, подлинного учения Будды – того, которое провозглашал он сам, – мы не знаем. Все, чему он учил и что составляет основу догматики буддизма, известно нам из более поздних источников, отстоящих от времени жизни Сиддхартхи Гаутамы на три-четыре века, – Палийского Канона, который был зафиксирован письменно только в I в. до н.э. на Четвертом буддийском соборе, и синхронных ему сутр запредельной мудрости, учение которых заметно отличается

от того, что было изложено в Каноне (хотя базовая догматика остается, в общем, той же самой). Поэтому когда мы говорим об Ашоке, правителе империи Маурья в 273–232 гг. до н.э., распространявшем и поддерживавшем буддизм, всегда следует задавать себе вопрос: *что* именно поддерживал Ашока? Каково точно было содержание учения, посредством которого он распространил свою власть почти на весь Индостан? И здесь О. Кубица цитирует другого исследователя – Кристофера Беквита: «Самая ранняя религиозно-философская система, которая может быть датирована исторически и в то же время является несомненной формой буддизма, – это ранний пирронизм» [Kubica 2023: 38; Beckwith 2015: 61]. Нельзя не отметить, конечно, что само высказанное Беквитом утверждение в высшей степени спекулятивно: если у нас настолько недостаточно данных, чтобы говорить об учении Будды, каким оно было до I в. до н.э., то как можно говорить о тождестве раннего буддизма и раннего пирронизма?

Заслуживает внимания, кроме того, и еще один вопрос – о связи буддизма с доарийским этническим субстратом. Многочисленные течения шраманов (санскр. śramaṇa) в Индии середины первого тысячелетия до н.э. (включая адживиков, джайнов и буддистов) с их отрицанием ценности мира, значения брахманистской ритуалистики и вообще ведийской культуры, социальной структуры древнеиндийского общества с его делением на четыре варны и т.д. явно, по мнению О. Кубицы, имели неарийское происхождение и были рождены в среде тех народов, которые обитали на Индостане до прихода арьев [Kubica 2023: 36]. Таким образом, сам буддизм, с ее точки зрения, оказывается порождением этнических контактов (которые никогда не бывают бесконфликтными) между очень разными народами, говорившими на разных языках и жившими разными экономическими укладами. Нельзя не отметить, конечно, что сводить буддизм (как и джайнизм, и учение адживиков, и другие религиозные течения середины I тысячелетия до н.э.) *только* к доарийскому субстрату – значит существенно упрощать реальную историческую картину. Хорошо известно ведь, что многие буддисты были брахманами по происхождению (брахманом был, например, Нагарджуна, сыном брахмана был Васубандху и т.д.), так что вернее было бы говорить, что шраманские учения были порождены в равной мере поздневедийской культурой и культурами неарийских народов Индостана. По меткому замечанию проф. В.К. Шохина (в частной переписке с автором этих строк), расхождения позиций авторитетов в поздневедийской культуре вышли за границы дискуссии ведийских школ. Это (в сочетании с другими социальными и экономическими факторами) и привело к возникновению буддизма, джайнизма, учения адживиков и т.д.

Держава Маурья (IV–II вв. до н.э.) достигла своего расцвета при правлении Ашоки. Но, в отличие от его деда и отца, Чандрагупты и Биндусары, которые часто упоминаются в греческих и латинских источниках, об Ашоке античные авторы не говорят ничего или почти ничего [Ibid.: 51], так что судить о периоде его правления мы можем в основном по его наскальным эдиктам, разбросанным почти по всей территории Индии, и по данным археологии. Эдикты составлялись на пракритах, греческом и арамейском языках, и обращает на себя внимание одна особенность этих текстов: эквивалент слова

dhamma (санскр. dharma) в греческих вариантах надписей. Ашока после кровопролитной войны с Калингой решил далее распространять свою власть не силой, а идеологическими средствами и провозгласил принцип dharmarāja «правление посредством Дхармы», и этот термин зафиксирован в пракритских текстах его эдиктов. Но греки у него на службе, составлявшие варианты текстов эдиктов на греческом языке, в качестве эквивалента dhamma приняли термин eusebeia «благочестие», хотя более точным был бы перевод словом logos [Kubica 2023: 69–70]. Фактически то, что Ашока называл dhamma, вернее было бы обозначить через санскр. śāsana «наказание, наставление, правление, порядок» [Ibid.: 72]. Если же учесть, что Ашока покровительствовал не только буддистам, но и джайнам, и адживикам, и другим неортодоксальным (т.е. небрахманистским и даже антибрахманистским идеологическим течениям) [Ibid.: 75], и совместить это с «правлением посредством Дхармы» и неарийским происхождением шраманских движений, то напрашивается очевидный вывод: Ашока при распространении своей власти опирался на собственные культурные традиции покоряемых народов, не пытаясь навязать им обычаи и порядки арьев, и власть свою легитимизировал не через ведийскую ортодоксию, а через идеологические системы неарийских народов, которые составляли в те времена, видимо, большинство населения Индостана. Все это и позволило ему не только подчинить себе почти весь полуостров, но и обрести достаточную силу, чтобы дружбы с его державой искали правители Сирии (Антиох II Теос), Египта (Птолемей II Филадельф), Эпира и греческих государств на африканском берегу Средиземного моря [Ibid.: 78].

Когда заходит речь о взаимодействии между античной и индийской цивилизациями, то наибольшее внимание привлекает знаменитый трактат «Вопросы Милинды» (пали Milindapañha), в котором греко-бактрийскому царю Менандру (пали Milinda) дает наставления буддийский мудрец Нагасена. До наших дней он сохранился в двух версиях – наиболее известной палийской и менее известной – в китайском переводе, причем обе они, судя по всему, были переводами с одного и того же источника, составленного на одном из северо-западных пракритов – языке гандхари. Высказывалась даже гипотеза, согласно которой «Вопросы Милинды» были частью буддийского канона на этом языке, существовавшего в I в. до н.э. [Kubica 2023: 130–131]. Впрочем, пока нет никаких аргументов ни в пользу этой гипотезы, ни против нее, так что сама она остается совершенно спекулятивной (хотя и небезынтесной). Сама структура этого трактата сходна со структурой, например, платоновского диалога «Теэтет»: прослеживаются совпадения в характеристике личности Сократа в «Теэтете» и личности царя Менандра в «Вопросах Милинды»; в обоих текстах как бы «удвоенное» вступление; знаменитый пример Нагасены с колесницей сходен с тем, как Сократ иллюстрирует строение слов образом повозки; есть и другие примечательные совпадения. Общей же темой для обоих текстов оказывается проблема общих понятий, которая в палийском трактате рассматривается как проблема имен [Абдуллаев 2007: 111–122]. Однако О. Кубица высказывается на эту тему довольно осторожно. Разумеется, полагает она, совершенно отрицать греческое влияние на взгляды, отраженные в «Вопросах Милинды», вряд ли будет разумно, но в любом случае это прежде

всего *буддийский* трактат и рассматривать его надо именно в таком качестве [Kubica 2023: 131]. Разумеется, определенные сходства между диалогом Менандра и Нагасены и платоновскими диалогами существуют [Ibid.: 146], однако они вполне могут иметь и типологический характер и не быть обусловленными именно заимствованием или влиянием стиля Платона на индийскую философскую мысль. О правлении царя Менандра в Гандхаре и Бактрии существуют и археологические свидетельства, и упоминания в индийских источниках (например, в пуранах [Ibid.: 141–143]), так что не приходится сомневаться в историчности этой фигуры. Но, во-первых, самые ранние пураны относятся только к III в. н.э., т.е. возникают они спустя примерно четыре века после Менандра, правившего в 165–130 гг. до н.э. или даже раньше (разброс датировок его смерти – от 153 до 145 гг. до н.э. [Tarn 1938: 226]). Более того, царей с таким именем было в индо-греческом царстве, скорее всего, двое, и неизвестно достоверно, с которым из них говорил Нагасена [Kubica 2023: 215]. Вторая же проблема заключается в том, что знаменитое греко-буддийское искусство («гандхарская школа») датируется рубежом нашей эры [Литвинский, Седов 1983: 22], тогда как индо-греческое царство распалось под ударами саков самое позднее в I в. до н.э., и этот хронологический разрыв пока не находит удовлетворительных объяснений [Kubica 2023: 156]. Все это говорит о том, что «Вопросы Милинды» следует рассматривать как порождение именно индийской и, более точно, буддийской интеллектуальной традиции, с очень большой осторожностью относясь к утверждениям о следах греческого влияния в этом трактате. Такое влияние, если и было, оставалось очень ограниченным и вряд ли непосредственным.

Существуют и античные источники об индийской интеллектуальной культуре того времени. Одним из них являются письма Аполлония Тианского (I в.) – точнее говоря, письма, которые *приписываются* этому философу-неопифагорейцу, – и «Жизнь Аполлония Тианского», составленная в III в. Флавием Филостратом. Но кем были «мудрецы» (*sophoi*), у которых учился Аполлоний в Индии? С одинаковой вероятностью они могли быть и буддистами, и брахманистами, и джайнами, а учение, коего они придерживались, больше сходно с некоторыми течениями античной философии, чем с буддизмом. Так что, скорее всего, утверждение, будто Аполлоний побывал в Индии и учился у индийских мудрецов, вообще не имеет под собой фактических оснований [Ibid.: 201]. Другой источник – жизнеописание сирийского гностика Бардесана (II–III вв.), в котором упоминаются индийские мудрецы *Brachmanes* и *Samanaioi* (очевидные санскритские слова *brāhmaṇa* и *śramaṇa*), причем первыми надо родиться – они называются потомками «одного отца и одной матери», от которых и наследуют свою мудрость, – а вторыми можно стать после избрания в их общину [Ibid.: 205–206]. Именно это и наводит на мысль, что под именем *Samanaioi* подразумеваются буддисты, община которых всегда была открыта для почти любого человека (кроме рабов и людей, находящихся на государственной службе) [Ibid.: 207]. Нельзя, впрочем, не заметить, что в равной мере это могли быть и джайны, и адживики, которые также принимали в свои общины всех, кто желал принять соответствующие монашеские обеты.

Как видим, вопрос о взаимодействии античной и индийской цивилизаций в Бактрии и Гандхаре не так прост. Прежде всего, полагает О. Кубица, не стоит преувеличивать масштабы и глубину этого взаимодействия. Оно отразилось главным образом в искусстве, в других же областях культуры оно было в высшей степени ограниченным. Кроме того, встречающийся иногда в научных текстах термин «греко-буддизм» не имеет смысла еще и в силу неоднородности и греческой культуры, и самого буддизма [Kubica 2023: 214]. В самом деле, уже к временам правления Менандра I (если считать, что таких царей было двое) буддизм уже разветвился на множество школ, и к какой из них принадлежал Нагасена – неясно. Разумеется, буддийская сангха никогда не была закрыта ни для каких народов, и ее членами вполне могли быть и греки, но вряд ли переход греков в буддизм был настолько массовым явлением, чтобы можно было всерьез говорить о «греко-буддизме».

Рассматриваемая работа именно тем и ценна, что – помимо богатого фактического материала, который собран и систематизирован автором, – в ней очень отчетливо проводится не всегда очевидная мысль: взаимодействие между культурами никогда не охватывает все их аспекты в равной мере, оно всегда затрагивает одни в большей мере, чем другие. Именно так было и в северо-западной Индии в рассматриваемую эпоху: античное искусство заметно повлияло на искусство этого региона, но в области религии взаимодействия практически не было. Но, разумеется, вопрос о процессах культурного взаимодействия между греками и индийцами еще далеко не закрыт, здесь есть множество перспективных направлений исследования, и рассматриваемая книга может послужить хорошим путеводителем для тех, кто решит заняться этой тематикой.

Список литературы

Абдуллаев 2007 – *Абдуллаев Е.В.* Идеи Платона между Элладой и Согдианой: Очерки ранней истории платонизма на Среднем Востоке. СПб.: Алетейя, 2007.

Асмус 1976 – *Асмус В.Ф.* Античная философия. М.: Высшая школа, 1976.

Вольф 2007 – *Вольф М.Н.* Ранняя греческая философия и Древний Иран. СПб.: Алетейя, 2007.

Диоген Лаэртский 2020 – *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с др.-греч. М.Л. Гаспарова, под ред. Н. Никитенко. М.: АСТ, 2020.

Дынник 1972 – *Дынник М.А.* Софисты. Скептики // История античной диалектики / Под ред. М.А. Дынника и др. М.: Мысль, 1972. С. 136–141.

Литвинский, Седов 1983 – *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах: Культура и связи кушанской Бактрии. М.: Наука, ГРВЛ, 1983.

Матвейчев 2015 – *Матвейчев О.А.* К вопросу о малоазийских корнях ранней греческой философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 41–66.

Ставиский 1977 – *Ставиский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.

Beckwith 2015 – *Beckwith C.I.* Greek Buddha: Pyrrho's Encounter with Early Buddhism in Central Asia. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2015.

Kubica 2023 – *Kubica O. Greco-Buddhist Relations in the Hellenistic Far East: Sources and Contexts*. London, New York: Routledge, 2023.

Tarn 1938 – *Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1938.

References

Abdullaev, E.V. *Idei Platona mezhdru Elladoy i Sogdianoy: Ocherki ranney istorii platonizma na Srednem Vostoke* [Plato's Ideas between Hellas and Sogdiana: Essays on Early History of Platonism in the Middle East]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. (In Russian)

Asmus, V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1976. (In Russian)

Beckwith, C.I. *Greek Buddha: Pyrrho's Encounter with Early Buddhism in Central Asia*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2015.

Dynnik, M.A. "Sofisty. Skeptiki" [Sophists. Sceptics], in: *Istoriya antichnoy dialektiki* [A History of Ancient Dialectics], ed. by M.A. Dynnik a. o. Moscow: Mysl' Publ., 1972, pp. 136–141. (In Russian)

Kubica, O. *Greco-Buddhist Relations in the Hellenistic Far East: Sources and Contexts*. London; New York: Routledge, 2023.

Litvinskiy, B.A., Sedov, A.V. *Tepai-Shakh: Kul'tura i svyazi kushanskoy Baktrii* [Tepai-Shakh: Culture and Connections of Kushan Bactria]. Moscow: Nauka, GRVL Publ., 1983. (In Russian)

Matveychev, O.A. "K voprosu o maloaziyskikh kornyakh ranney grecheskoy filosofii" [On the Problem of the Asia Minor Roots of Early Greek Philosophy], in: *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences], 2015, Vol. 15, No. 4, pp. 41–66. (In Russian)

Nikitenko, N. (ed.) *Diogenes Laertius: O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [The Lives and Opinions of Eminent Philosophers], trans. from ancient Greek by M.L. Gasparov. Moscow: AST Publ., 2020. (In Russian)

Staviskiy, B.Ya. *Kushanskaya Baktriya: problemy istorii i kul'tury* [Kushanic Bactria: Problems of History and Culture]. Moscow: Nauka, GRVL Publ., 1977. (In Russian)

Tarn, W.W. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1938.

Volf, M.N. *Rannyya grecheskaya filosofiya i Drevniy Iran* [Early Greek Philosophy and Ancient Iran]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. (In Russian)